

Опаздывать и бежать через «соседство» к новой «идеи нации»

Чрезвычайная чувствительность массового сознания к нынешней национальной проблематике может интерпретироваться двояко. С одной стороны, мы, действительно, испытываем период национального подъема (постимперский синдром просыпающегося национального чувства), с другой, — лихорадочно нащупываем в полиэтническом пространстве хоть какие-либо пути построения гражданской нации, этнические источники которой станут вторичными по отношению к принципу общественно-политической партиципации. Оба процесса, на первый взгляд, должны бы противоречить друг другу, однако в современных условиях, как кажется, оба возможны лишь как следствие более глубокой культурной революции, порождающей особенное нациообразование в сегодняшней России.

Социологически ориентированный исследователь, трактующий российскую историю последних трехсот лет в категориях «имперской модернизации», не склонен видеть в ее культурном наследии «геном» нации-государства, а значит логически отказывает ей в опыте «нации» в сугубо современном смысле понятия — нации, как единого политического класса, как гражданского общества, поставившего государство себе на службу. Теоретическая мысль советского времени — лишь лучшее подтверждение этому, ибо «нация» трактовалась в ней не как принципиальный разрыв с примордиальной этнической предысторией, а именно как последовательное развитие всей родовой линии человечества. Насколько же устойчивой стала псевдогражданская идентичность «простой советский человек», убедительно продемонстрировал 1991 год и последующий период бурных реформ. А рубеж столетий наглядно показал, что «нация» по-прежнему разыгрывается через этничность, этнократию, культурно-конфессиональный фундаментализм и крайнюю ксенофобию.

Антропологически ориентированный исследователь, не отказывающий российскому обществу и культуре в базовых признаках «современности», недоуменно констатирует, что в России по всем внешним проявлениям модернизационный нацио- и социогенез мало чем отличается от образца западных соседей, однако постоянно приводит Россию к последствиям «фасадного» свойства, когда внутренняя природа институтов предельно контрастирует их внешне современному облику. Ничто вроде бы не противоречит становлению совре-

менной «нации», в том числе и в ее гражданском измерении, однако вместо нее мы по-прежнему оперируем «державой», правда уже развернувшейся в начале нового столетия извне во внутреннее пространство страны.

Оба подхода укоренены в истории российской модернизации и черпают в ней нужную для себя аргументацию, причем очевидно не без пользы для понимания источников сегодняшних трансформаций. Обратимся и мы к культурным истокам сегодняшнего нациогенеза в России в попытке ответить на вопрос возможно ли этнически недетерминированное формирование современной гражданской нации в России.

* * *

Два глагола русского языка отмечают исторический путь нашего народа на протяжении, по крайней мере, последних четырех столетий — *опаздывать* и *бежать*. При кажущейся их смысловой связанности, они на самом деле описывают различные состояния нашей прошлой и настоящей культуры.

Складывание российского общества и становление квазисовременного российского государства в это время обострялись состоянием цейтнота, а точнее той катастрофической нехваткой времени, при которой переживание *отставания* от развитых стран Запада становилось не только фактором выживания страны, но и *рациональным обоснованием* буквально всех социальных, экономических и политических программ динамического развития. Закрепившись в сознании и став устойчивой характеристикой умонастроения людей, отставание постепенно обрело контуры общей и фатальной «отсталости». А уж отсталость — в качестве фоновой и отчетливо осознаваемой исторической неизбежности — стала диктовать свои «правила игры» как для российских правителей, так и для ведомого ими народа. Отсталость ставила государственные задачи и драматургически принуждала общество к принятию роли жертвы исторически отстающего народа.

Постепенно «отсталость» вошла в норму, обрела институциональный характер и легла тяжелым бременем в основу коллективных переживаний народа. Весь вопрос заключался в рефлексии *степени* отставания. И сколько бы попыток преодоления статуса отстающей страны не предпринималось, каждый раз они завершались ощущением ещё более углубившегося разрыва между нами и всем остальным развитым миром.

В то же время открытое — географическое и социальное — пространство России всегда сохраняло для нашего соотечественника потенциальную возможность для «выхода» из опаздывающего общества. Реформы и контрреформы, конфликты, потрясения, государственные перевороты, внутренние войны — все это *никогда* не заканчивалось в истории страны солидаристическим согласием (примирением), а всегда — *исходом* той или иной части населения за официальный горизонт социальности (раскол).

Проигравшие были лишены возможности оставаться в этом мире, жить в этом обществе. И вопреки всем современным установкам на достижение согласия между крайностями и мирное сосуществование победивших и проигравших, в России последним оставалась лишь одна социальная перспектива — *бег*. Выбора не было почти что никогда — бежать приходилось прак-

тически всегда, как впрочем и поныне. Правда, бежали по-разному. Бежали на север и на восток, мигрировали на запад и на юг, прятались в лесах и в горах, а то и просто замыкались в себе, уходили в пьянство и т. п. В каждом таком случае беглецы покидали общество с устойчивым ощущением того, что они уходят навсегда, безвозвратно.

И *социальный бег* становился, таким образом, актом сознательного отказа от участия в опаздывающем развитии общества, а также полным и окончательным уходом из российской истории, не важно при этом кто являлся источником подобного эскапистского решения — один человек или целая социальная группа.

Может ли народ, который то опаздывает, то бежит, ощутить себя «нацией»? Способен ли народ, который то опаздывает, то бежит, выработать позитивную солидаристическую идею, которую при определенных условиях можно было бы именовать «национальной идеей»? Ответ, как кажется, очевиден. Вряд ли.

Условия опаздывающего общества и открытого для побега из социального пространства, грубо говоря, не приемлемы для формирования современной нации. Если всегда есть возможность бежать «из общества», то, следовательно, для генезиса нации (равно как и для сугубо современного явления «нации-государства») отсутствует базовое *conditio sine qua non* — *социальное принуждение жить обществом*¹.

И в этой логике рассуждений становится ясно, почему буквально все попытки² создания «нации» в нашей истории заканчивались неудачно. Не раз за последние пять столетий Россия вставала на стезю формирования нации, и каждый раз по тем или иным причинам все же сходила с этого пути³. Словом, и в процессе становления нации современного типа Россия также извечно опаздывала от развитых стран, предоставляя возможность — и в этом тоже — нашему соотечественнику *сбежать* и из пространства нациогенеза.

Отсюда, ощущение постоянного *deja vu* в публичных обсуждениях о смыслах понятия «нация» в российской культуре и значимости «национальной идеи» в ее истории. «Все было встарь...» Но и сегодняшний набат о «национальной идее» ничего нового в эту интеллектуальную (и политическую) проблему не приносит.

¹ Избегать гражданских «жертв» (в частности, уклонение от налогообложения) значит, по сути, *убегать* из общества. А если по-прежнему сохраняется такая возможность, то нет ни общества, ни принуждения жить обществом. Есть *социально одинокий* человек и *социально пустое* государство. И из этой тупиковой — для нашей новой и новейшей истории — ситуации мы до сих пор никак не можем выбраться.

² В словосочетании «попытка создания» нет оговорки. Нацию, как уже отмечалось выше, можно создать только искусственно, намеренно. По крайней мере, все сегодняшние нации в буквальном смысле были когда-то и кем-то сотворены, созданы искусственным путем. Искусственно выбирался один диалект из множества и на его основе формировался национальный нормативный язык. Искусственно определялась география — территория хождения — той или иной нации. И т. д. В этом смысле, современная «нация» *сама по себе* из некоего до-национального состояния этноса (этносов) не складывается, а представляет собой кардинальный разрыв со всей предшествующей социокультурной традицией.

³ Гипотеза о кризисе «национального государства» в современной социологической науке имеет в равной мере как своих сторонников, так и противников. Хотя складывается впечатление, что в самые последние годы интерес к скорым «поминкам» по национальному государству существенно поостыл.

Откуда взять идею современной «нации»? Можно ли «призвать» ее — как некогда призвали варягов — откуда-нибудь извне? Или просто интеллектуально слепить и навязать обществу? Мы вновь задаемся этими вопросами, но уже в то историческое время, когда весь современный мир от старой конструкции «нация» в ее чистом этно-политическом облики, как кажется, медленно, но уверенно отходит. Обосновано ли наше сегодняшнее обращение к этой теме культурным консерватизмом? Или — «рациональным» желанием коллективного разума реформаторов пройти все ступеньки цивилизационного роста? Похоже, что ни тем, ни другим. Складывается впечатление, что мы окончательно опоздали с формированием «нации» в этнокультурном значении, но так и не приступили к формированию «нации» в гражданско-политическом смысле. Нет в условных географических пределах страны ни осознания общности интересов, ни консолидированных символов, ни каких-либо других фундаментальных и солидаристически разделяемых гражданских ценностей⁴. Нет *безусловного* отождествления частного «Я» с социальным телом «нации».

Вернуть «национальную идею»? Какую? Графа Уварова или времени поздней российской империи? Ту, которую на первых порах пестовал Сталин, или ту, во что реально вылилась национальная политика большевиков в эпоху позднего социализма? Все это были, как мы теперь понимаем, лишь эрзацы национальной идеи, поскольку на их фундаменте так ни разу и не сложилось «нация-государство» современного типа. И в этом смысле все они представляют собой различные модификации одного и того же явления — обоснование лояльности рядового россиянина по отношению к имперскости своего отечества. И поэтому сегодня будет большой политической ошибкой консервация «старорежимного» государственного мышления в отношении таких понятий, как «российское гражданство», «русская нация», «страна Россия». К этому нет ни внутренних, ни внешних предпосылок. Среднестатистическому россиянину по большому счету не жалко ни «лишних» территорий, ни устаревших институтов, ни министерств, ни ведомств. Да и все российское общество в целом, как кажется, не страдает территориальной *жадностью*⁵.

А нужна ли при многочисленных жертвах эта вновь обретенная территория? Нужны ли вообще тому, что мы хотим именовать «нацией», человеческие жертвы? Трудно сказать, хотя все очевиднее становится тот факт, что во имя географической «нации» сегодня становится все меньше желающих

⁴ В современное понимание «гражданства» входит не только юридический статус, но и культурное членство, объединенное устойчивым *Volksgeist*, а поэтому может рассматриваться как формальное понятие, так и метафизическое явление. О богатой палитре смыслов «гражданства» см. Хабермас Ю. *Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства* // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.

⁵ Единство территории сегодня фактор не самый значимый для генезиса «нового» российско-го государства (и его *Landespatriotismus*), скорее, здесь большую силу приобретает коллективное представление о том, что существует *своя земля*, поскольку есть и *не своя земля* (хотя и под нашим протекторатом!). Насколько вероятны сейчас «войны за землю» — вопрос сложный. Все упирается, скорее, в то, что локальные войны — или преимущественно локальные — не столько связаны с земельной жадностью, сколько с изменившимися глобальными отношениями между «нациями» и составляющими их этносы, а также с тем, что поздний Э. Геллнер называл «снижением накала этнических переживаний» (См. Геллнер Э. *Пришествие национализма. Мифы нации и класса* // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002).

пожертвовать собственной жизнью. Разумеется, нация без сугубо (и «исконно») своей территории не существует. Нет внутреннего предела (то есть ощущения «коллективного тела») без внешних границ — этот тезис по-прежнему в силе. Но поскольку в российском обществе отсутствует принуждение жить нацией, то и меню предлагаемых обществу «национальных идей» может быть *ad infinitum* и *ad libitum*.

Если же так случится, что будет создано «географическое общество Российская Федерация», которое вберет в себя всю негативную и позитивную энергетику земельного «пересмотра» и обратит ее в новую доктрину территориально-административного обустройства, основанного на ценностях и принципах подлинного федерализма, то шансы «сохранения» страны в ее нынешнем виде увеличатся. И дело останется лишь за малым — понять, какие новые «Мы-солидарности» станут в обновленной стране доминирующими, и каким образом они все же принудят общество жить нацией?

Но поскольку Россия все очевиднее становится мультикультурным и мультиэтничным обществом, то начать неизбежно придется с пространства *соседского* взаимодействия людей. Причем, под *соседством*, в данном случае, следует иметь в виду не только срез низовой, горизонтальной солидарности⁶. А нечто более существенное в культурно-антропологическом смысле. Без принципиально «нового» осмысления принципов соседства невозможны ни местное самоуправление, ни даже обновленное территориально-административное обустройство всей страны. А это значит, что гражданин должен научиться отдавать предпочтение тому, что творится вокруг него, и лишь после этого задуматься о существовании вещей дальнего порядка.

Состоявшись же в гражданской роли «соседа», не грех приступить к осмыслению и публичному обсуждению *надсоседских конструкций* — ценностей, символов и даже земель, лежащих за пределами локального соседского круга. Это и есть искомая *соседская реформа*, столь необходимая стране для ее дальнейшего движения по пути формирования современного общества и современного государства.

Но при этом следует понять, что сегодняшнего россиянина невозможно идеологически *принудить жить идеей нации*. С ним придется договариваться по-иному. И, очевидно, что для того, чтобы достичь солидарности в обществе на основе хотя бы простого большинства по фундаментальным вопросам социального общежития, отныне затребовано естественное согласие всех.

«Наша территория». Но ведь это же — «наш лагерь». В своей до-социальности мы по-прежнему остаемся в лагерном — с точки зрения современной концепции общества — состоянии. И если нашу жизнь и впредь моделировать в логике абстрактных и старорежимных «национальных идей», то мы так и останемся в *этом лагере*. Изменить ситуацию способна лишь соседская

⁶ Традиции бытового «соседства», особенно в городах, были порушены в эпоху социализма, причем порой складывается впечатление, что в этом была проявлена сознательная воля большевиков, опасавшихся любых форм солидарности людей, в том числе, а, возможно, и, прежде всего, на низовом уровне. «Возлюби соседа своего...» (а именно так может быть буквально понята заповедь Христа «ἀγαπήσεις τὸν πλησίον...»), да еще к тому же «... как самого себя» («...ὡς σεαυτὸν») в нашем обществе и поныне звучит, скорее, как издевка, чем формула жизненного кредо соседей.

реформа⁷. Ведь даже в таком мегаполисе, как Москва, и то вполне могут сложиться внутригородские соседские коммуны, не говоря уж про страну в целом. А такая соседская реформа станет одновременно и антропологической революцией, поскольку предполагает замену вертикального насилия и принуждения на горизонтальное соучастие, лояльность и терпимость людей друг к другу. Стать другим можно и через соседство, почувствовав *себя с другими*.

И покуда о реформе горизонтальных отношений идут только лишь благодушные беседы, здравомыслящий россиянин по старинке резервирует для себя запасные пути — в том числе, чтобы уехать в любой момент, если вдруг понадобится. Но до тех пор, пока мы держим для себя «окна» для социального бега — не быть в России ни обществу, ни своей территории. И то, и другое по-прежнему остаются виртуальными фантомами. В обиходе лишь ничем не обеспеченные лексические оболочки в форме «общественности», «своего дома» и «своей земли».

Но как сделать принуждение жить обществом *легким и естественным*? Вот в чем вопрос. Видимо, для этого, первым делом, необходимо «великое переселение» — географическая мобильность людей в поисках работы, нового жилья, новой оседлости, нового круга общения и т. п. Сдвинувшийся с «мертвой точки» человек и станет, наконец, россиянином. А пределы, в которых он способен будет свободно и комфортно перемещаться, станут для него обретенными границами России — «страной Россия». А пока мы воображаем общество исключительно вертикально, нам сложно мыслить иначе, чем как в категориях центр-и-периферия. Обретение же новой российской «земли» пройдет через *освоение ее ногами* граждан, которые свою свободу и горизонтальную мобильность предпочтут всем благам государственного протекционизма и культурного патернализма.

⁷ Для проведения соседской реформы (пусть даже и в рамках реформы местного самоуправления) мы, правда, испытываем большой лексический и понятийный дефицит. Все слова, описывающие горизонтальные отношения между людьми, в русском языке либо иностранного заимствования, либо чрезвычайно архаичны и взяты из устаревшего «общинного» словаря. Такие понятия как «мир», «управа» или даже «община» отталкивают своим чердачным архаизмом. От «старосты» веет неприятным духом советского времени. Но ведь и не так просто свыкнуться с «префектурами» и «муниципалитетами».